

Марина ЧЕРТОВА

ОТСЕКАЯ ЛИШНЕЕ

В феврале 2021 года кемеровскому скульптору Валерию Васильевичу Треске исполняется семьдесят лет – из них более половины отданы творчеству. В 1978 году, по окончании Московского высшего художественно-промышленного училища, молодой художник приехал в Кемерово, где и поныне служит искусству верой и правдой. Его станковые произведения экспонируются на самых престижных выставках, а монументальные достойно украшают столицу Кузбасса.

Творческий путь художника можно назвать удачным. Уже в 1980-м, через два года после окончания вуза (!), Валерий Треска был принят в Союз художников СССР. Тогда, как известно, два года ходили кандидатами в члены Союза, а кандидатом становился отнюдь не каждый – только тот, кто своим трудом уже доказал на это полное право. В советскую бытность вопрос профессиональной состоятельности творческих кадров решался принципиально.

В 2004 году за участие в региональной передвижной выставке «Моя Сибирь» Валерий Треска был удостоен серебряной медали Российской академии художеств.

Пришли заслуги и на официальном уровне. В 2000-х годах награды ему следовали одна за другой: медали «За особый вклад в развитие Кузбасса» III степени (2003), «За веру и добро» (2004), почётное звание «Заслуженный работник культуры Российской Федерации» (2007), медали «За служение Кузбассу» (2008), «За особый вклад в развитие Кузбасса» II степени (2011), звание лауреата премии Кузбасса (2011).

И всё-таки творческий путь Трески лёгким не назовёшь, скорее – через тернии к звёздам. Между удачным началом и признанием, которое пришло на шестом десятке, пролегла полоса испытаний – неопределённости, невостребованного труда.

По сути, только один монумент Валерия Трески фундаментально украшает столицу Кузбасса: это памятник мемориального комплекса воинам-кузбассовцам, погибшим в локальных войнах и военных конфликтах (установлен на Пионерском бульваре). Да и тут всё складывалось непросто: воплощение в материале и торжественное открытие памятника состоялось только в 2003 году – через двенадцать лет после того, как проект был создан! Такой временной разрыв глубоко расстроил художника, который признавался, что решил бы образ уже иначе.

Возможности монументалиста, надо признать, должным образом не использовались, что расточительно для нашего региона, где скульпторов немного

вообще и только единицы из них обладали, как Треска, абсолютным чувством большой формы. У него даже станковые работы воспринимаются как монументальные: любая из них без потерь выдержит многократное увеличение и организует собой городское пространство.

Действительно, пластические решения мастера всегда лаконичны, причём настолько, насколько возможно. Жёсткую логику диктует и избранный принцип, исключая повествовательность, и твёрдые материалы, с которыми мастер работает: мрамор, гранит, дерево. Твёрдые материалы, как известно, обязывают к технике высекания, то есть вычитания, а не прибавления, и она имеет непреложный закон: неправильно сколотое не приставишь обратно. Такая техника («отсекая лишнее») требует от ваятеля не только больших временных и физических затрат, но и особых личностных качеств: цельности внутренне-го видения и высокой творческой концентрации.

Вспоминаю, как на открытии юбилейной выставки Валерия Трески, состоявшейся в Кемеровском областном музее изобразительных искусств в 2011 году, местная журналистка Ольга Штраус, находясь под впечатлением от скульптурных работ, увлечённо занималась тем, что мысленным взором составляла их в разных уголках нашего города, выгодно преображая столицу Кузбасса.

В самом деле, сколько произведений В. В. Трески могли бы достойно украсить Кемерово! Например, «Ожидание» (памятник будущей матери) легко предстать на территории родильного дома или детского парка, а «24-й каприз Паганини» (олицетворение духа скрипичного гения) – на площади перед зданием филармонии. В обоих случаях это фигуры, данные в рост, решённые обобщённо и в то же время разнообразно: первая – монолитна, статична, плавных очертаний и форм, вторая – пространственна, экспрессивна, пластически утрирована, обострена. Таких памятников, созданных по всем законам монументального искусства и подлинно оригинальных, в нашем городе не очень много.

Признаться, было время, когда, размышляя о Валерии Треске, хотелось воскликнуть: бедный гений! К счастью, сам Валерий Васильевич об этом, похоже, никогда не задумывался. Как настоящий художник, он всецело поглощён творчеством, а с недавних пор и преподавательской деятельностью, которой, как человек ответственный, увлечённый, отдаётся сполна. Помнится, даже тогда, когда не было ни общественного признания, ни материальной поддержки, он исступлённо работал в своей мастерской, по сути, для себя (а значит, для искусства). Погоня за наградами и благами жизни явно не для него, поэтому до 2000-х годов он не имел ни того ни другого. Притом спокойно обходился без этого, подтверждая крылатую истину: творящий бедности не знает.

Причиной своей «незаметности» отчасти являлся он сам – человек необычайно скромный, совершенно несветский, непредприимчивый, непробивной.

156

Сторяясь публичной жизни, Треска и сам ей был абсолютно неинтересен: долгое время его имя было не на слуху, о нём мало говорили, редко писали.

Однако внешняя отстранённость Валерия Трески – следствие напряжённой внутренней жизни, скрытой от посторонних глаз и проступающей только в творчестве. Вот там, в процессе созидательной деятельности, он неожиданно открывается другим человеком: уверенным и решительным, эмоциональным и темпераментным, полным чувственной страсти и духовной энергии. Всё это передаётся его работам, заряжая их магической силой, выделяя из общего окружения, причём мгновенно.

Помню один эпизод, имевший место на открытии региональной выставки «Сибирь», состоявшейся в Иркутске в 2003 году. Открытие началось с выступлений группы классического танца, после чего её участники познакомились с экспозицией выставки, вместившей сотни работ сибирских художников. Но только одна из них вызвала их восхищение – это «Время собирать камни» Валерия Трески. Молодые танцоры, как мастера пластического движения, по достоинству оценили эту скульптуру, даже имитировали её и так фотографировались, желая запечатлеть поразивший их образ. Что это, если не магия искусства?

Подлинное открытие Валерия Трески состоялось чуть раньше, в 2001 году, на его первой персональной выставке, организованной в Кемеровском областном музее изобразительных искусств по случаю пятидесятилетия со дня рождения. Конечно, в Кузбассе скульптора и до этого знали, поскольку он постоянный участник всех городских и областных вернисажей. Но в окружении многочисленных работ других авторов его произведения – всего одно или два – не производили должного впечатления, хотя и притягивали внимание, запоминались. А вот персональная выставка, показавшая на одной площадке творения разных лет, раскрыла талант художника зримо, отчётливо, во всей полноте. Это подтвердила и вторая персональная выставка, организованная в 2011 году, десятилетие спустя. Она не только повторила успех первой – усилила и закрепила его, свидетельствуя о том, что в городе Кемерово живёт и работает большой мастер.

Примечательно, что в экспозиции обеих выставок вошли все работы, представленные автором, – лишних не оказалось. Их было ровно столько, сколько понадобилось, ни больше и ни меньше: в музейных залах они расставились свободно и гармонично, словно по заранее предназначенным местам. Иными словами, обе экспозиции обнаружили редкую обусловленность: отказаться от одной из работ значило обеднить представление о творчестве художника в целом, ибо каждая была исключительна. Таким образом, собранные вместе работы обнажили авторский метод: «по сюжету и приёму».

Неповторимы к тому же сами «сюжеты», имеющие свои истории, связанные с художником лично, внутренне пережитые. При этом замыслы, признаёт-

ся Валерий Васильевич, возникают спонтанно, как безотчётный импульс: «Бывает, рассматриваю свои зарисовки, и одна вдруг зацепит. Бывает, вечером, по дороге из мастерской, подступают воспоминания, воскрешая бывшие эмоции, или, напротив, появляются отвлечённые размышления». То есть начало творческого процесса не сулит, казалось бы, ничего особенного, а в итоге – глубокие образы: «Молчание о будущем», «Время собирать камни», «Чаша ожидания, терпения, встречи»... Причём одни образы, говорит художник, находят сразу, без подступов и усилий, словно высшая воля ведёт и подсказывает, а поиск других продолжается годы, даже десятилетия.

История «Титана Возрождения» (2017), например, развивалась на протяжении сорока лет с большими и малыми перерывами. Первые эскизы образа Микеланджело были сделаны в период студенчества, в 1977-м, когда титан Возрождения всецело пленил будущего ваятеля. Через год, уже в Кемерове, Треска познакомился с живописцем Виктором Сергеевичем Зевакиным (1926–2005), который, по его мнению, был поразительно похож на великого итальянца: кудрявые волосы, скуластое в морщинах лицо, выступающие надбровные дуги, глубоко посаженные глаза, а также яркий талант и крутой характер. Всё это читается в портрете Микеланджело на бронзовой медали, созданной Треской в 1979 году. После смерти В. С. Зевакина Валерий Васильевич посвятил ему скульптурный портрет, выполненный не сразу – в 2009-м, когда время, стирая в памяти преходящее, оставляет существовавшее. Данный портрет стал прообразом «Титана Возрождения», исполненного величия духа и скорби.

Так проявляется природа дарования Валерия Трески – художника, одержимого духом поиска и новаторства, не приемлющего инерцию и силу привычки, не устающего всякий раз начинать сначала, как с чистого листа.

При этом авторский почерк мастера узнаётся сразу – интуитивно и безошибочно. Узнаётся по внутренней цельности произведений: глубине замысла, широте обобщения, остроте пластической выразительности. Такими произведениями не пресытятся, поскольку каждое, отражая максималистскую натуру художника, создано им с полной самоотдачей, на пределе сил, как откровение. Неудивительно, что творения Валерия Трески ожидают с нетерпением, потому что всякий раз открываются известного мастера по-новому.

Словом, оставаясь самим собой, художник всё время в развитии – меняется в своих ориентирах и предпочтениях, не позволяя к себе привыкнуть, но это, конечно, не самоцель. Погружённый в творческие искания, он укрепляет талант трудом, непрерывным и напряжённым, – отсюда характер искусства, которое отличается единством многообразия. Например, все произведения Трески пропитаны сильным чувством, однако их поэтические интонации глубоко различны. Образы, раскрывающие мир взаимоотношений муж-

157

чины и женщины, насыщены волнующей чувственностью («Грёзы уходящей молодости», 1989) или страстным влечением, порой ироничным («Двое», 2001), а женские образы исполнены любования и лиризма («Поэза», 1997). Образы гражданской тематики повышено экспрессивны и патетичны («Следы войны», 1990; «Крик в завтрашний день», 1991), а религиозные, напротив, источают свет кротости, смирения, отрешённости («Композиция на духовную тему», 1993; «Феофан», 2006; «Читающая Библию», 2015).

Все работы Валерия Трески пронизаны движением, но их пластические концепции всегда оригинальны. К примеру, встречный ветер волнует лёгкую ткань, плотно облегающую женское тело, словно обнимает его, прекрасное в очертаниях, как воплощение вечной женственности («Порыв ветра», 1996). Мучительным страданием скована фигура отца, брутальная и обессиленная, передающая состояние душевной подавленности («Печаль отца», 1988). А застывший хоровод женских фигур (или не женских), поникших в скорбном молчании, воспринимается как символ быстротечности времени («Время собирать камни», 2000).

Причем пластические концепции соответствуют конкретным материалам. В камне, массивном и твёрдом, воплощаются образы, передающие монументальную мощь и монолитную целостность («Следы войны», 1990; «Молчание о будущем», 1992); эти качества подчёркиваются фактурой поверхности, обработанной то тщательно, до глянца, то шероховато, то вовсе необработанной, обнажающей грубую текстуру материала. Дерево, как менее плотное и более податливое, используется в работах, выражающих бестелесность образов, намеренно уплощенных, будто архаичных («Чаша ожидания, терпения, встречи», 2003), образующих нередко пространственную структуру вроде каркаса («Бард», 1998; «Слушающий тишину», 2007).

О единстве многообразия как исключительной особенности искусства Трески свидетельствует ещё один яркий пример: все произведения мастера отличаются стиливой остротой, но их исполнительская манера, обращённая к широкому спектру традиций, всякий раз сугубо индивидуальна. Это классические формы, тонко моделированные, передающие облик модели с реалистической достоверностью («Портрет матери», 1985; «Портрет жены», 1987), и стилизованные, утрирующие пропорции и объёмы («Северная рапсодия», 1978; «Скворцы поют», 1979). Это экспрессивные формы, подчёркнуто угловатые, словно рубленые, жёстко деформирующие, искажающие натурные («Крик в завтрашний день», 1991), и абстрактные, напоминающие действительные лишь отдалённо («Коммунальная квартира», 2006; «Состояние на 18 января», 2010).

Однако при всей многогранности искусство Валерия Трески развивается довольно последовательно, согласно эволюции самого художника. Изначально его творчество отражало окружающий мир, свет-

лый и гармоничный, в дальнейшем – наполнилось авторской рефлексией, душевным переживанием, нервной остротой, а ныне тяготеет к метафоричности, философскому осмыслению.

Так, по мере жизни, усложняющей мировосприятие автора, в его искусстве нарастает тенденция к «остранению» – движению от чувственного к духовному, от достоверного к условному. При этом искусство художника никогда не теряло живой энергии и жизненной силы, наоборот, обретало бóльшую глубину: бытийный смысл, высокий лиризм, проникновенную мощь.

Способность к саморазвитию, которую демонстрирует в творчестве Треска, присуща немногим художникам. Привычнее склонность к самоповторению, эксплуатации удачно найдённого, особенно в провинции, где культурная жизнь протекает неспешно, монотонно, тесным мирком, где зачастую не с чем соотнести собственное искусство и легко потерять здоровые ориентиры, креативность мышления, умение оценить себя объективно, со стороны. Дабы не стать «периферийным» художником, одного таланта, конечно же, мало – необходим масштаб личности, стремящейся к самореализации и решающей сверхзадачу, творчески мотивированной, бескомпромиссной, независимой. Такой, как личность Валерия Трески.

Ныне, если судить по большому счёту, Треска – единственный скульптор в коллективе кемеровских художников: иных уж нет, а те далече. Ушли из жизни мастера старшего поколения (Г. Н. Баранов, В. И. Блинов, Н. Н. Михайловский, Г. С. Трофимов) и более молодые их современники, «семидесятники» (В. Ф. Нестеров, А. П. Хмелевской), многие уехали из нашего города (В. В. Войнов, В. А. Готфрид, В. Н. Петухов). На седьмом десятке жизни Валерий Треска остался один, без коллег по скульптурному цеху, да ещё не в лучшие времена, когда в профессиональном сообществе нет пассионарного духа, консолидирующей силы во имя больших идей, актуальных новаций, социальных прорывов.

Однако такому художнику, как Валерий Треска, черпающему силы внутри себя, внешние обстоятельства ничто. К юбилею он готовит персональную выставку, уже четвёртую, несмотря на то что проведение таких выставок, как известно, процесс затратный, требующий от художника высокой личной ответственности и чрезмерного напряжения, особенно от скульптора: на скорую руку не изваяешь. При этом три предыдущие персональные выставки (2001, 2011, 2016) были презентацией по преимуществу новых работ. Думается, такой же станет и предстоящая выставка, поскольку, невзирая на возраст, художник работает интенсивно, с полной самоотдачей, сохраняя фундаментальные качества: профессиональное мастерство, величие замыслов, энергию созидания. Он работает так всегда, потому что работает только так, не иначе, доказывая обратную истину: и один в поле воин.

г. Кемерово